

ВСЕ девочки на свете мечтают стать балеринами. Не говорите «нет». Это обязательная мечта детства, расстаться с которой не так-то просто. А когда девочки вырастают и приходят в Большой театр или замирают перед телевизором, увидев на экране летящую фигуру танцовщицы, им становится немного грустно. Они ревнуют балет к своему детству и тем больше любят его...

А если спросить балерину, настоящую балерину — было ли у нее детство?

— Конечно, нет, — ответит Алла. — Занятия в хореографическом училище при Большом театре начинались в девять утра, а домой мы возвращались в девять вечера. В училище принимают с десяти лет, с десяти лет трудиться по-настоящему, как взрослый человек.

— Значит, профессию раз и навсегда вы выбрали в десять лет?

— Еще раньше, когда танцевала за кулисами. Родители мои работали в театре оперетты, и театр был моей жизнью. Я в нем жила и о нем же мечтала. Ничего другого просто не было, да ничего другого я не хотела и не хочу.

— Как вы думаете, есть профессии, внутренний смысл которых — непременно добраться до высот, выйти в звезды?

— Не знаю. Свою работу я такой не считаю. Выйти в звезды? Да нет, не в этом смысл. Просто нет предела прекрасному, а значит, нет предела совершенствованию. А где ты танцуешь, какие партии, кто тебе аплодирует — это вопрос признания, а не призвания. Человек же с призыванием будет тревожиться не о славе, а о более земных и конкретных вещах: как избавиться от своих недостатков, как сегодня научиться чему-либо новому, чтобы завтра суметь сделать следующий шаг.

— Алла, в девятнадцать лет вас приняли в труппу Большого театра, вы танцуете ведущие партии в балетах «Лебединое озеро», «Ангара», «Дон Кихот», «Икар», «Чайка», «Индийская поэма». И в свои двадцать четыре года, наверное, уже можете судить о том, что такое мастерство?

— Это синтез профессионализма и актерских возможностей. И знаете, что главное? Профессионализм, а проще — техника, или свободное владение техникой. Спотыкаешься на том, что чего-то не можешь, но не потому, что не знаешь как, — не хватает умения. И нужно все время трудиться. Час в день у станка — это наш закон, наша арифметика, самое сложное, — пусть не думают, что самое сложное — это прекрасная партия в прекрасном балете — и не слишком веселое...

— Когда один иностранный журналист спросил Майю Плисецкую, чем она питается — наверное, лепестками роз, как

фея? — та ответила попросту: «Сиюю не жрамши». Современный балет постройней, похудей и, вероятно, в этом смысле предъявляет к танцовщице определенные требования. Приходится ли вам сидеть на диете?

— Пока нет, слишком велики нагрузки. Сейчас, например, Юрий Николаевич Гри-

ски эпохи Возрождения, нравится всматриваться в лица на картинах, улавливать пластику движений, разглядывать костюм, прически, которые пять столетий назад были теснее связаны с индивидуальностью человека, чем сейчас. Мои увлечения — книгами, живописью — небескорыстны, я всегда чего-то ищу... Когда работала над

Наш собеседник — артистка Большого театра Союза ССР, лауреат международных конкурсов артистов балета, лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XXV конференции Московской городской организации ВЛКСМ Алла МИХАЛЬЧЕНКО.

Воскресные
ВСТРЕЧИ

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

горович ставит новый балет Дмитрия Шостаковича «Золотой век». Я там занята. Прихожу в театр с утра, ухожу поздним вечером, танцую по шесть часов в день...

— Чтобы выдерживать такие нагрузки, вам, конечно, приходится соблюдать жесткий режим. Можете вы себе позволить, например, читать до полуночи?

— Нет, не могу, хотя люблю читать. Но, по правде говоря, я от этого не страдаю.

— Не страдаете от невозможности свободно собой располагать? От отсутствия свободного времени?

— Оно мне не нужно. Для меня самое большое счастье — танцевать. И если я провела свой день в театре с утра до вечера — значит, день был счастливым. Сейчас я чувствую это особенно остро, потому что работаю с Юрием Николаевичем Григоровичем. Для меня работа с таким балетмейстером — и счастье, и удача, и ни с чем не сравнимая школа. Он умеет передать артисту свой душевный заряд, тонко и точно объяснить задачу.

— А увлечения?

— Я люблю живопись. Но боюсь сказать, когда в последний раз была в картинной галерее... Мне нравятся художни-

партий Эолы в балете «Икар», перечитала все древнегреческие мифы...

— Вы участвуете и в классических, и в современных балетах. А какой балет вам ближе?

— Классика — это школа, основа основ. Балерина может танцевать, что угодно, но если она не знает партии Одетты — Одиллии в «Лебедином озере», свой экзамен на балерину она еще не сдала.

Классический балет сложен по технике, но довольно прост по эмоциональным задачам: любовь так любовь, ненависть так ненависть... Куда интересней с психологической точки зрения современные балеты. Вот Валентина из «Ангары» — сколько в ней противоречивых душевных движений, и в то же время это характер цельный и стойкий, героический характер...

— Какие тенденции в современном балете вам нравятся?

— Как раз вот эти — усложненная драматургия, сложные, неоднозначные образы. Мне было бы скучно танцевать бессюжетные спектакли, а в этом направлении современный балет тоже развивается. Но это — не мое. Мне ближе спектакли с содержанием, и чем современной и глубже это

содержание, тем интересней.

— А не кажется вам, что такое содержание, первоначально и не случайно выраженное в слове, вступает в противоречие с условностью балетной формы?

— Но в этом-то и смысл, это-то и трудно — выразить классическим языком новый и усложненный мир чувств и идей.

— **НАК** вы думаете, когда вы повзрослели?

— Вероятно, после трех конкурсов, которые шли подряд — всесоюзный и два международных... В Москве и Болгарии. Мне было девятнадцать лет, и я очень боялась подвести своих педагогов, нашу балетную школу. Конкурсы — очень большой труд. Когда пройдешь этот труд, истратишь нервы, здоровье, силы, почувствуешь себя немного другой... И уставшей, конечно, и радостной, если удалось хорошо выступить. А еще — как раз взрослой. Ведь человек взрослеет, когда трудится и исполняет свой долг. По-моему, так...

— Как вы относитесь к тому, что в вашей профессии существует возрастной предел и со сценой когда-нибудь придется расстаться?

— Я об этом не думаю и, честно говоря, не забочусь. Хватает забот в сегодняшнем дне.

— А нет страха потерять профессию из-за несчастной случайности?

— Страха нет. А от несчастных случаев, особенно у нас, никто не гарантирован.

Многое приходится преодолевать — нездоровье, травмы. Совсем недавно я два месяца не работала из-за старой травмы ноги.

В свое время из-за нее же пришлось лежать в ЦИТО, где меня в буквальном смысле поставила на ноги заведующая отделением спортивно-балетной травмы профессор Зоя Сергеевна Миронова. В этом отделении делают чудеса, и мне хотелось бы со страниц «Московского комсомольца» поблагодарить Зою Сергеевну, которая возвращает людям нашего цеха не просто здоровье, а любимую работу.

— Как вы относитесь к конкуренции?

— А я просто не знаю, что это такое. В нашем театре для молодежи ставятся спектакли, нас поддерживают и нам помогают. Мы не мешаем друг другу и не перекладываем друг на друга, а каждого есть возможность показать, на что он способен.

— Есть ли у вас любимая балерина?

— Это не у балерин бывают любимые балерины. У меня ее просто не может быть. Я вижу в каждой нашей лучшей балерине ей только присущее, удивительное и неповторимое и знаю про себя, что у каждой мне нужно учиться...

Т. ШОХИНА.